

Как отмечалось 50-летие русско-турецкой войны 1877–1878 гг. русскими учеными-эмигрантами

Abstract:

Aksyonova E. P. *How the Russian Émigré Scholars celebrated the 50th Anniversary of the Russo-Turkish War of 1877–1878.*

The 50th anniversary of the Russo-Turkish War of 1877–1878 gave rise to various events and publications carried out by Russian émigrés. The article pays special attention to the works of the well-known Russian historian A. V. Florovsky on the liberating role of Russia for the Balkan Slavs and on the Russian public opinion of the 1870s.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877–1878 гг., освобождение Болгарии, Сан-Стефанский договор, Берлинский договор, русская эмиграция, М.Г. Попруженко, А.В. Флоровский.

Прошло уже 135 лет со времени окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг., принесшей балканским славянам освобождение от османского господства. События военных лет, политика России, ее роль в договорном процессе, послевоенное развитие балканских народов привлекали внимание исследователей – в разные периоды с неодинаковой интенсивностью. С введением в научный оборот все новых и новых документальных источников той эпохи ученым удавалось глубже проникать во все тонкости военных, общественно-политических, дипломатических и иных проблем той войны, которую справедливо нарекли *Освободительной*, и ее последствий. В настоящее время в мировой историографии имеется солидный корпус трудов по русско-турецкой войне. Свою скромную лепту в изучение событий той эпохи еще в 1920-е годы внесли русские ученые-эмигранты.

Ход и итоги войны в конце 70-х – начале 80-х годов XIX в. были предметом скорее публицистического, чем научного интереса, да и тот вскоре угас. Общественное внимание (не слишком широкое) к этим вопросам возвращалось ненадолго в связи с очередными круглыми датами и вновь оживилось в 1927–1928 гг., когда отмечалось 50-летие русско-турецкой войны и ее победоносного для России окончания. Большое участие в мероприятиях, посвященных этим событиям, вызывавшим национальную гордость россиян, принимали русские ученые-эмигранты. Так, живший в Софии славист, болгарист М. Г. Попруженко (1866–1944) 29 января 1927 г. печатает в газете «Русь» статью о настроениях русского общества накануне войны. В этой же газете 16–19 марта публикуются материалы того же автора – «Памяти В.М. Гаршина¹ (По поводу 50-летия Освободительной войны 1877–1878 гг.)». 30 марта в Русском доме профессор Попруженко выступил с док-

ладом на тему «Русское управление в Болгарии в 1877/1878 гг.». Это исследование в расширенном виде позже (28 сентября – 13 октября) было опубликовано в газете «Русь», а в 1928 г. под названием «Русское управление в Болгарии в 1877–1879 гг.» вышло в Софии отдельным изданием.

Празднование юбилея освобождения Болгарии прошло в начале марта 1928 г. в Софии. В театре «Роял» состоялось торжественное заседание, организованное Славянским обществом по случаю 50-летия заключения Сан-Стефанского договора. На собрании присутствовал болгарский царь Борис III. От русской эмиграции с речью выступил профессор международного права Софийского университета П. М. Богаевский (1866–1929). Текст его доклада «Освобождение Болгарии» был напечатан в газете «Русь» 8 и 9 марта. Осенью того же года (25 ноября) ученый выступил перед русскими и болгарскими коллегами на 60-й «Славянской встрече»* с докладом «Как и почему Сан-Стефано стал в 1878 году местом мирного договора...»². В том же 1928-м г. в Софии увидела свет небольшая работа жившего в Праге известного слависта В. А. Францева «Русско-турската освободителната война (1877–78) и чешското общество»³.

В 1929 г. в Софии был опубликован сборник «Прослава на освободителната война 1877–78 гг.», в котором приняли участие и многие русские авторы (не только из Болгарии, но из Чехословакии), представившие в своих статьях «славянскую политику и славянское сознание в России от древних времен до освобождения Болгарии»⁴. В сборник вошли статьи: А. А. Кизеветтера «Россия и южное славянство в XIV–XVII ст.», И. И. Лаппо «Петр Великий и южное славянство», П. М. Богаевского «Кучук-Кайнарджийский договор и его значение», В. А. Францева «Первые русские труды по изучению славянства, преимущественно южного», А. В. Флоровского «Россия и южные славяне в царствование императора Александра I», П. М. Бицилли «Россия и Восточный вопрос в царствование императора Николая I», М. Г. Попруженко «Общественные настроения в России накануне освободительной войны»⁵, генерала В. П. Никольского «Освободительная война 1877–78 гг. Военные действия русской армии на балканском театре»⁶.

50-летие русско-турецкой войны достойно было отмечено также русскими учеными, обосновавшимися в Чехословакии. В работах, посвященных этой юбилейной дате, основное внимание уделялось общественным, военным, дипломатическим отношениям периода войны, роли России в освобождении братских народов. Следует отметить вышедшие в 1927 г. в Праге очерк И. И. Лаппо «Россия и освобождение балканских славян» («Rusko a

---

* Славянское дружество в Болгарии иногда организовывало совместные с русскими эмигрантами мероприятия, которые назывались «Славянские встречи».

osvobození Balkanských Slovanů»), в котором дан общий обзор истории славянского вопроса в России, и сборник «Россия в войне за освобождение балканских славян 1877–78 гг.» («Rusko v boji za osvobození balkanských Slovanů roku 1877–78») со статьями Е. Ф. Шмурло, Б. А. Евреинова, М. А. Иностранцева, Е. Ф. Максимовича, А. В. Флоровского и др. В 1928 г., когда отмечался юбилей окончания войны, вполне естественным было появление работ об итогах войны. Мирные договоры, завершившие войну, нашли отражение в статьях М. А. Циммермана «Сан-Стефано и Берлинский конгресс 1878 г.» («San Stefano a Berlinský kongres r. 1878» // «Zahraniční Politika». Praha, 1928) и Е. Ю. Перфецкого «Берлинский конгресс 1878 г. и славянство» («Berlinský kongres r. 1878 a Slovanstvo» // «Prudy». Bratislava, 1929. Sv. 2). Тематика этих статей, написанных учеными-историками на достойном научном уровне, все же не входила в круг их основных исследований. Однако с расстояния в полвека они постарались посмотреть на балканские события 1870-х годов свежим взглядом. И хотя работы носили в основном юбилейный характер, на что обратил внимание один из авторов, в то же время «юбилей дал повод к пересмотру данных об участии России в борьбе за свободу славянских народов на Балканах вообще, Болгарии в частности»⁷.

Одним из активных участников этих юбилейных публикаций и в Болгарии, и в Чехословакии был известный русский историк Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968). Для освещения темы войны 1877–1878 гг. и послевоенного периода ученый мог пользоваться не только имевшейся в его распоряжении литературой, но и некоторыми архивными материалами. Осенью 1922 г., после выдворения из России, он несколько месяцев прожил в Софии, где еще раньше поселились его родители и сестра, а также дядя, М. Г. Попруженко. Флоровский надеялся найти там работу, но никаких подходящих вакансий не было. Время ожидания хоть какой-нибудь приемлемой должности он проводил в архиве и библиотеке, где обнаружил богатый материал по периоду войны 1877–1878 гг. и Русского гражданского управления в Болгарии. Ограниченный срок пребывания в Софии не позволил историку собрать обильный архивный «урожай», но он успел произвести обзор документальных материалов. Не найдя работу в Софии, ученый вынужден был переехать в Прагу, где вскоре занялся поисками в чешских архивах документальных свидетельств российско-чешских отношений на протяжении многих веков. Эта проблематика стала одной из центральных в дальнейшем научном творчестве историка. Болгарская тема, которая наверняка получила бы развитие в его исследованиях, если бы он остался жить в Софии, оказалась не столь актуальной в Чехословакии и была если не забыта, то отложена «до лучших времен».

И вот в 1927 г. появился повод вновь обратиться к этой теме. 12 марта он заканчивает написание большого очерка под названием «Русское общественное мнение и Освободительная война 1877–78 гг.», а 8-м мая датирована статья «Россия в борьбе за освобождение славян в 1877–78 гг.»⁸.

В очерке автор не останавливается подробно на боевых операциях и действиях дипломатии – его интересует в первую очередь, как русское общество в целом и представители различных направлений общественного мнения в России реагировали на балканские события 1875–1878 гг. Для этого он использует публицистические материалы и произведения художественной литературы, обильно цитируя их. Флоровский начинает с того, что действия русских военных и политических сил на Балканах, приведшие к освобождению Болгарии, являлись «продолжением старой русской традиции в славянском и восточном вопросе» и отвечали единодушному сочувствию в обществе к страданиям славян, находившихся под турецким господством⁹. Заметим, что историк отделяет «славянский вопрос» от «восточного вопроса», то есть собственно турецкого, имевшего «в русской и общеевропейской политике сложную и переменчивую судьбу, определявшуюся в каждом отдельном этапе своего развития реальным соотношением политических и международных сил». Сочетание этих вопросов на Балканах «отражалось на русской общественной идеологии». Падение Османской империи, освобождение славян, судьба Царьграда и проливы сочетались в разных системах взглядов в различной очередности «в зависимости от основных умонаклонений мыслителя» (Л. 4). Кроме того, и «противоборство европейских политических интересов» усиливало и обостряло внимание к этим проблемам «в русском общественном сознании» (Л. 5). Всякая война, рассуждает Флоровский, имеет свою идеологию. «Идеология русско-турецкой войны 1877–78 годов, – по его мнению, – есть идеология насквозь и целиком славянофильская», которая проявлялась в мотивировке войны, а также предшествовавших и сопутствовавших ей событий (Л. 6).

Свой тезис автор подкрепляет многочисленными выдержками из трудов И. С. Аксакова, которого называет «действительным славянским трибуном». Во главе Московского славянского благотворительного комитета Аксаков был «центром помощи русского народа и общества... балканским славянам в восстании в Герцеговине и в сербско-турецкую войну...» (Л. 7), он формировал русское общественное мнение «в смысле высокого понимания значения и значительности славянского движения на Балканах в 1875 и следующих годах» (Л. 8). Вместе с тем Флоровский отмечает, что Аксаков подчеркивал «славянское происхождение» России, которое в его мировоззренческой схеме тесно связано с другим «элементом ее сущности» – православием как верой славянской. Только православное славянство, по Аксакову,

имеет будущее (Л. 9–10). Такова основная посылка мировоззрения, обуславливающая его последующие историко-политические взгляды, в которых Россия выступает как центр тяготения всего славянского мира (Л. 11–12). В период войны Аксаков обращал особое внимание на единоверие и единокровность балканских славян с русскими (Л. 17) и заверял, что у России нет захватнических замыслов и стремления к политическому преобладанию, а лишь желание дать свободу народам, «остающимся верными славянскому братству» (Л. 18–19).

Но Аксаков, отмечает Флоровский, был не единственным «носителем и проповедником» славянофильского мировоззрения. Подобные идеи выражал и петербургский профессор О. Ф. Миллер («хотя с меньшей четкостью и меньшим блеском») (Л. 21). Этому направлению придерживались почти все русские газеты, среди которых особое влияние на общественное мнение имели «Русские ведомости» и «Новое время» А. С. Суворина, а также «Московские ведомости» М. Н. Каткова, и лишь «Голос» А. А. Краевского «занимал вполне сдержанную и неславянофильскую позицию в этот исторический момент» (Л. 22–23).

Взгляды Ф. М. Достоевского, которого Флоровский называет «пламенным русским патриотом» (Л. 31), он определяет как «уже не чистое славянофильство» – в его философской системе православие «решительно выдвигается на первое место»; историческое призвание России определяется не ее «славянскостью», а сохранением веры (Л. 24). Мессианское предназначение России, по Достоевскому, есть «*всемирное общечеловеческое единение*», и славянский вопрос – лишь первый необходимый этап на пути достижения основной цели (Л. 25–26). Флоровский отмечал, что для Достоевского важнее было единоверие балканских славян с Россией (Л. 26). Борьба за освобождение болгар для него не просто политическое дело, а «действие высокой морали и глубокого религиозного смысла», пусть даже в ущерб собственной выгоде (на что Флоровский замечал в скобках: «а на самом деле никогда не в ущерб»). Таким образом, автор очерка подчеркивал «морально-религиозную мотивировку» русской политики на Балканах, предложенную Достоевским (Л. 27–28). Такой же подход лежал в основе его взглядов на Константинополь, который должен быть русским, поскольку Россия – «духовный центр восточного мира» (Л. 30–31).

Однако, замечает Флоровский, высказывания российских «идеологов славянского движения семидесятых годов не были оценками общепринятыми», не все современники разделяли славянофильские взгляды (Л. 35–36) – отсутствие славянофильского энтузиазма было присуще Л. Н. Толстому и многим другим общественным деятелям и писателям (Л. 37). Если в славянофильской идеологии, пишет Флоровский, «было принципиальное отгал-

кивание от Запада, от Европы с ее государственным укладом, с ее цивилизацией», то «старая западническая идеология и в семидесятых годах сводилась к пониманию России в общей европейской историко-политической перспективе», а ее историческая миссия не связывалась с ее «славянством по преимуществу, и тем более ее православием» (Л. 38). Для представителей этого направления «трезвая политика в интересах России и спокойная, сдержанная мысль были лучшими... путеводителями в жизни и деятельности» (Л. 39). Подобных взглядов, напоминал Флоровский, придерживался журнал «Вестник Европы», на страницах которого утверждалось, что будущность славянства в его собственных руках, что славянское дело не может не вызывать участия, но это дело внешней, а не внутренней политики, и собственные интересы России должны стоять на первом месте (Л. 39–40). Такую позицию разделял журнал «Отечественные записки» и некоторые другие органы периодической печати (Л. 41).

Флоровский отмечал также, что в высказываниях ряда общественных деятелей России подчеркивалась необходимость первостепенного решения назревших внутренних проблем. Так, находившийся в эмиграции М. П. Драгоманов говорил о невозможности освобождать других без предварительного освобождения своей страны от деспотии (Л. 99). Ему вторил К. Д. Кавелин, считавший, что прежде чем осчастливить другие народы, следует устроить счастье своего народа (Л. 100). Как бы продолжая эту мысль, Н. А. Корф полагал, что можно затрачивать сотни миллионов для помощи родственным народам лишь после того, как будут затрачены сотни миллионов на то, чтобы снабдить Россию учительскими семинариями, школами, банками и т. п. (Л. 101). Таким образом, делал вывод Флоровский, для той части общества, которая придерживалась западнической ориентации, славянский вопрос 1870-х годов был вопросом о политической свободе народов «без той особой окраски и осложнения, которое дается у славянофилов», ставящий его в узкие племенные или вероисповедные рамки (Л. 42–43).

Несмотря на то, что русское общество не было едино во взглядах на «славянский вопрос», он, тем не менее, утверждал Флоровский, занял «первое место в государственной политике и в общественном мнении» 1870-х годов, что объяснялось традиционным «в истории русской общественной мысли и национального сознания» сочувствием к славянам. Героическая борьба славян вызвала такой подъем в русском обществе, который иностранные наблюдатели даже сравнивали с народным движением 1812 г. (Л. 44–45). В этом сравнении, по мнению автора, «нельзя не увидеть некоторого преувеличения», но несомненно, что война 1877 г. объединила разные слои населения – «и мужика-простолюдина, и славянофила-патриота, и нигилиста-радикала, и т. д.» (Л. 46).

Флоровский поясняет, что в его задачу не входит подробное описание событий балканского кризиса и русско-турецкой войны (Л. 48). Он приводит для иллюстрации лишь несколько примеров помощи балканским славянам в их борьбе со стороны русского народа и общества. Так было во время восстания в Герцеговине в 1875–1876 гг. и сербско-турецкой войны 1876 г., когда помощь оказывалась и материальная, и личным участием в борьбе (добровольческие отряды М. Г. Черняева) (Л. 50–52). В добровольческом движении русская публицистика усматривала не только положительные, но и отрицательные моменты. «Однако, – пишет Флоровский, – было бы совершенной ошибкой предполагать, что в нем было одно своекорыстие, одна распущенность и недисциплинированность, и не было духовного подъема, жертвенного порыва и альтруистического восторга. В каждом массовом явлении высокое соединяется с низким, возвышенное с низменным...». Так и в рядах добровольцев «можно было видеть людей с повышенным нравственным чувством, с обостренной душевной чуткостью», таких как В. М. Гаршин (Л. 53–54). Автор особо подчеркивает «живое сочувствие славянской борьбе» со стороны оппозиционно настроенных к власти кругов, которые «революционной борьбой пытались перевести ее [Россию. – Е. А.] на рельсы социального и политического прогресса» (историк М. П. Драгоманов собирает средства для помощи герцеговинцам, революционер А. И. Желябов организует комитет помощи балканским народам, народник Д. А. Клеменц в рядах добровольцев в Сербии, сестры милосердия в среде восставших) (Л. 59–61). И в этом случае, считает историк, чувство возобладаало «над холодным рассудком, который, может быть, и не оправдал бы в глазах революционера это увлечение славянской идеей», но борьба на Балканах была «борьбой за свободу, которую так возлюбила радикальная среда» (Л. 61).

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была, по мнению Флоровского, продолжением и развитием общественного движения предыдущих лет. Он утверждал, что объявление Россией войны Турции в 1877 г. произошло «под влиянием русского общественного мнения» (Л. 56–57), которое при всем несходстве предпосылок, мотивировок, оценок, идей, выдвигавшихся на первый план – народность, единоверие, политическая и социальная свобода и т. п., – в целом служило одной «идее освобождения балканских славян» (Л. 62). Огромные жертвы русских в этой войне оправдывались тем, что это были жертвы «за други своя», за защиту креста, за освобождение угнетенных, и хотя, отмечает Флоровский, это «не есть оправдание войны и кровопролития в общей форме, но есть оправдание исторического явления народной и освободительной борьбы русских и России за славянство в 1876–78 годах» (Л. 68–69, 72–73). Высокие цели войны, мимоходом замечает автор,

сочетались с некоторой «надеждой на моральное и реальное благо для России» (Л. 73).

О событиях на театре войны в России узнавали из официальных сводок и телеграмм, из частных писем и депеш военных корреспондентов. Само развитие института военных корреспондентов, отмечает Флоровский, «есть показатель живейшего интереса... к событиям с фронта». Корреспондентами различных изданий становятся Вл. С. Соловьев, Г. К. Градовский, Вас. И. Немирович-Данченко (его сообщения «из разных углов Болгарии привлекали всеобщее внимание современников событий») и др. На городских улицах и площадях вслух читали газеты и телеграммы с театра военных действий (Л. 75–78). В ходе войны, пишет Флоровский, продвижение вперед порой сменялось вынужденным отступлением, успехи – тяжелыми жертвами. Трудные условия похода, нехватка военного снаряжения, злоупотребления в деле снабжения армии продовольствием – эта оборотная сторона войны разочаровывала общество, которое с тем большим восторгом встречало вести о героическом переходе через Балканы, защите Шипки, взятии Плевны, походе на Адрианополь, приближении к Константинополю (Л. 79–80).

«Мир в Сан-Стефано, – утверждает Флоровский, – был достойным завершением всех великих моральных и военных усилий русского народа и России», которая «пожертвовала тысячами своих верных сынов» ради освобождения Болгарии (Л. 80–81). Весь русский народ радовался успешному окончанию войны (Л. 82). Однако Сан-Стефанский договор не был осуществлен. «Международная ситуация, – замечает автор, – не благоприятствовала реализации такого блистательного достижения России, и триумф русского оружия у самых стен Константинополя был омрачен международным трактатом в Берлине». Берлинский договор содержал в себе явное «стремление Европы пресечь развитие успехов России, урезать их значительность и унижить самую Россию» (Л. 83–84). Историка в данном случае не интересуют «причины и виновники такого поворота событий» – для него важна реакция общества, которая выразилась в разочаровании, единодушном переживании и неудовлетворенности результатами войны (Л. 86). Особенно сильно недовольство сказывалось в радикально настроенных кругах общества, которые в исходе войны видели новые доказательства «невозможности связывать с наличным русским государственным строем надежд на преуспевание России». В 1878 г. стали вновь набирать силу «революционные и террористические акты» (Л. 87–88). С возмущением восприняли итоги Берлинского конгресса славянофилы – «проповедники, пророки и идеологи» славянской войны, для которых, как отмечал Флоровский, «Берлинский трактат был подлинным крушением всех великих славянских замыслов...» (Л. 89–90).

Однако каким бы дипломатическим актом ни завершилась война, подчеркивает Флоровский, она могла наполнить русскую душу «чувством высокого удовлетворения», поскольку «именно от нее ведет свое бытие политическая независимость Болгарии (хотя и не в границах Сан-Стефанского акта), свобода болгарского народа и воскресение его к новой самостоятельной жизни» (Л. 95–96).

Другая статья А. В. Флоровского на ту же тему – «Россия в борьбе за освобождение славян в 1877–78 гг.» – носит общий, обзорный характер и является, по сути, кратким вариантом написанного ранее очерка. Статья начинается, практически, с того, чем заканчивался очерк: русско-турецкую войну автор называет «знаменательнейшим и важнейшим моментом в истории длинной борьбы великого славянского государства – России за освобождение подъяремных славянских племен Балканского полуострова»¹⁰. Автор уделяет внимание внешнеполитическому фактору, влиявшему на «точный вопрос», который был «сложным узлом политических отношений» – в нем «сплетались интересы едва ли не всех европейских государств, стремившихся к политическому преобладанию на Ближнем Востоке»¹¹. Опасения роста политического влияния России на Балканах, продолжает историк, со стороны Англии, Австро-Венгрии, Германии привели к решению судьбы балканских славян в «неокончательной форме». Власть Турции в болгарских и сербских землях представлялась европейским державам удобной преградой для развития там российского влияния¹². Но несмотря на «политические соглашения и дипломатические обязательства», Россия «выступила в защиту угнетенных славян. События на Балканах вызвали широкое сочувствие в русских людях к славянским братьям и реальную помощь (личным участием, денежными и материальными пожертвованиями)¹³. Преодолев все трудности и препятствия, русская армия «победоносно продиктовала своему противнику условия мира», которые предполагали возможность «независимого и свободного развития болгарской и сербской государственности». И хотя эти условия, измененные позднее усилиями европейской дипломатии, не вошли в жизнь, но, заключает Флоровский, «вошла в жизнь и историю повесть о великом и самоотверженном подвиге России» ради спасения славянских братьев¹⁴.

Неполный текст еще одной статьи, «Архив русского гражданского управления в Болгарии. 1877–79 гг.»¹⁵, хранящийся в фонде А. В. Флоровского, не имеет даты, но, скорее всего, был написан по итогам работы историка в софийских архивах¹⁶. Зато по теме этот материал мог бы быть естественным продолжением рассмотренных выше статей. Однако автор дает лишь архивоведческий обзор документальных материалов, найденных им в Софии, оставляя будущим исследователям подробное изучение русского

присутствия в Болгарии. Только объективное изучение документов делопроизводства русских учреждений того периода, считает автор, «может дать прочное основание для суждений о целях и результатах русского управления в Болгарии»¹⁷. Одним из таких исследований стала, например, работа М. Г. Попруженко «Русское управление в Болгарии в 1877–1879 гг.» (София, 1928).

50-летие русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии от турецкого ига послужило поводом для русских ученых-эмигрантов обратиться не только к балканским событиям второй половины 70-х годов XIX в., но и к истории «восточного вопроса» и отношению к нему официального Петербурга и общества. Роль России в освобождении балканских славян вызывала в них гордость и патриотические чувства. Но от них не ускользала и обратная сторона войны и ее итогов. Далеко не все архивные материалы той эпохи даже спустя полвека были доступны для исследователей, и имевшиеся к тому времени издания не восполняли всех пробелов в изучении судьбоносных событий балканской истории. Поэтому попытка ряда ученых русской эмиграции осветить как частные, так и более общие вопросы обширной проблемы является, безусловно, плодотворной, и в большинстве своем научно-популярный характер работ несколько не снижает их достоинств. Это наглядно демонстрируют, в частности, статьи А. В. Флоровского, в которых он со всей тщательностью исследователя подошел к освещению поставленных задач. Таким образом, в историографии «восточного вопроса» и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. свое место занимает и русская эмигрантская научная литература.

Примечания

¹ В.М. Гаршин (1855–1888) в день объявления войны добровольцем вступил в действующую армию в качестве рядового, затем был произведен в офицеры. В одном из боев был ранен. Выйдя в отставку, занялся литературным трудом. Личные впечатления, почерпнутые во время боевых действий, легли в основу таких рассказов писателя, как «Четыре дня», «Денщик и офицер», «Аяслярское дело», «Из записок рядового Иванова, о походе 1877 года», «Трус» и др.

² См.: Хроника культурной и литературной жизни русской эмиграции в Болгарии (1919–1940). Сост. Г. Петкова // Юбилейный информационный альманах Русского зарубежья в Болгарии 1877–2007 гг. Пловдив, 2010. С. 275, 276, 277, 280, 285, 288.

³ См.: *Флоровский А. В.* Русская историческая (эмигрантская) литература. Отчет (1927–1929) // Архив Российской Академии наук (далее – АРАН). Ф. 1609. Оп. 1. Д. 37. Л. 131.

⁴ См.: Там же. Л. 126.

⁵ Работа М. Г. Попруженко под таким же названием ранее была опубликована на болгарском языке в журнале «Българска мисл» (1926. Кн. 6–8).

⁶ Состав сборника см.: *Флоровский А. В.* Русская историческая (эмигрантская) литература... Л. 126–127.

⁷ См.: Там же. Л. 125.

⁸ Первая из работ опубликована в пражском сборнике, место публикации второй установить не удалось. В том и другом случаях мы пользуемся рукописными автографами, хранящимися в фонде А. В. Флоровского. См.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 19. 101 л.; Д. 14. 7 л.

⁹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 19. Л. 3. Далее ссылки на листы данного дела приводятся в скобках в тексте статьи.

¹⁰ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 4–5, 6.

¹⁴ Там же. Л. 6–7.

¹⁵ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 105. 2 л. Рукопись, автограф.

¹⁶ На первой странице рукописи автор упоминает одно из «недавно вышедших исследований» Э.Д. Грима, которое было опубликовано в 1922 г., следовательно, и саму рукопись можно отнести к концу 1922 г.

¹⁷ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.